

Алексей Сюмак: Рад, что это счастье выпало мне

Композитор оперы *Cantos* — о скрытой надежде, «спрятанной» в постановке

ПАВЕЛ КАТАЕВ

Мировая премьера только что сочинённой оперы состоится на сцене Пермского театра оперы и балета уже 6 декабря. На сцене — в буквальном смысле: в премьерные вечера сцена станет зрительным залом. *Cantos* — это «опера наоборот», написанная по мотивам одноимённого эпического цикла американского поэта Эзры Паунда. Композитор Алексей Сюмак раскрыл пару секретов интригующей постановки в интервью «Новому компаньону».

Высокий статус преподавателя Московской консерватории иногда уходит на второй план: в качестве композитора Сюмак известен публике лучше. Ещё будучи студентом, он писал музыку, за которую мог получить одновременно звание лауреата на европейском конкурсе и оценку «удовлетворительно» в консерватории. Среди смелых сочинительских экспериментов Алексея Сюмака — композиция о рождении слова из дыхания, изображение мирового модернистского паровоза в сонорной технике, а также «Реквием» — грандиозное посвящение жертвам Второй мировой войны.

Особое место в творчестве композитора занимают оперы, в которых он обращается к наследию поэтов с трагическими судьбами. «Станция» связана с Паулом Целаном, «Немаяковский» — с флагманом русского футуризма. Завершить трилогию призвана опера *Cantos*, вдохновлённая поэзией Эзры Паунда —

Для меня история Эзры Паунда близкая, родная. Она правда очень трогательна, потому что Паунд похож на любого из нас

ярчайшего представителя американской литературы начала XX века, поддержавшего режим Муссолини, осуждённого за это на родине и после освобождения принявшего обет молчания до конца жизни.

Над постановкой оперы *Cantos* в Пермском театре оперы и балета работали режиссёр-постановщик Семён Александровский, художник-постановщик Ксения Перетрухина, а в качестве музыкального руководителя и дирижёра — Теодор Курентзис. Вместо солиру-

ющего голоса — скрипка; вторая сторона диалога — хор и «спрятанный» оркестр MusicAeterna. Неудивительно, что и контакт с публикой будет развиваться в непривычном ключе: зрители будут

дором Курентзисом в ходе работы, если, конечно, такие споры возникли?

— Да, опера нелегко рождалась. Теодор настаивал на том, чтобы это была таинственная опера, такое путешествие в мистерию, в которое публика была бы активно вовлечена. Вначале, когда я пришёл к нему с идеей об Эзре Паунде, он сказал, что это несколько внешняя история. Мне пришлось очень долго рассказывать ему, что биография Паунда — это некий предлог: на самом

ся огромное количество поэтических строк.

Эзра Паунд в опере — собирательный образ однокого поэта; художника, который остаётся наедине с собой, со своими мыслями, со своим творчеством. Хор символизирует осуждающую его толпу, которая в одной части лишь повторяет слово «нет», а в другой части, напротив, произносит очень красивые слова, пока скрипка молчит.

Мне всё-таки удалось убедить Теодора использовать именно этот мотив, хотя

Я верю в человеческий рассудок и в человеческую мудрость. Бесконечно разочаровываюсь в этом, но верю

находиться не в зале, а прямо на сцене и окажутся вовлечёнными в оперу напрямую.

По словам Алексея Сюмака, не предусмотрены даже аплодисменты: «Зритель настолько глубоко погружается в это общее состояние, что мне хотелось избежать конкретности в этой истории: без поклонов, без чёткого начала, с интерактивом и так далее...»

— Что становилось предметом творческих споров между вами и Тео-

дере нико не собирается рассказывать в опере, каким образом сложилась его непростая судьба. Это будет лишь линия, на которую будет накладывать-

ся огромное количество поэтических строк. Он даже предлагал, кажется, историю про девочку, которая пожертвовала собой, — он хотел что-то простое, близкое, что взволновало бы